
Как замерзающий к костру,
как верующий в Мекку,
так я к собратьям по перу
иду в библиотеку.

К ним: попривыкшим к тишине,
похвалам, кривотолкам,
к различным по величине,
к расставленным по полкам.

Душа моя не издаёт
ни шороха, ни вздоха.

И как быть ей? – ведь здесь живёт
прошедшая эпоха.

Не истребить из сердца грусть –
ликую и стенаю!

Одних я знаю наизусть,
других совсем не знаю.
Сумеешь если, с ними встань,
к их причастись баптизму,
но перед тем, отдавши дань
индивидуализму.

Они: в потёртых сюртуках,
папахах, эполетах,
кто на храпящих рысаках,
а кто пешком, в штиблетах,
к тебе приблизиться хотят.

Сотри времён границы,
коснись их и заговорят
историей страницы.

Слипаясь или расходясь,
пролистываясь кучно,

с тобой налаживают связь
они собственноручно.
Да будет щепкою в костре,
продлив его горение
на поэтической заре
твоё стихотворение.

Рекция на фильмы ужасов.

Вампир, он девушку поймаёт,
Ей грубо руки заламает,
Вопьётся в шею, покусает,
Потискает...и отпускает!
А оскорбленная – заметим –
Совсем не заломленьем этим,
Воскликнув негодуя: "АХ!" –
Вампира в пах ногою бах!
Что почерпнуть из сей морали?
Чтоб просто так не приставали.
Коль не имеешь нужной штуки,
Зачем заламываешь руки?

Спи моё дитяtko, дитяtko сладкое
в полном сияньи луны.
Пусть до утра над твоею кроваткою
кружат волшебные сны:
белый кораблик под парусом аленьким,
серый журавль в облаках.
Вырастешь ты и забудешь, как маленьким
был у меня на руках.
Трудно прожить по добру и по совести,
всё в этой жизни терпя.
Прячется счастье, а беды и горести
сами отыщут тебя.
Пусть тебе снятся просторы безбрежные,
где и тепло, и легко.
Завтра проснешься, а сны безмятежные
будут уже далеко!

Пусть до утра злые ветра
добрые песни поют.
Пусть до утра злые ветра
поберегут твой уют.
Спи моё дитяtko!

Проводила мать сыночка в армию служить...
Поседела в одну ночь. Лучше б ей не жить.
Поллюбил её сынуля голубой берет,
Но нашла сынулю пуля и сынули нет!
Не обнимет мать ребёнка никогда теперь –
Прилетела похоронка, проломила дверь.
Видит мать лицо сынули в убранном гробу
И находит след от пули на сыновьем лбу.
Русый волос на проборе обрамляет лоб.
В чёрном траурном уборе окаймлённый гроб.
А вокруг друзья, невеста встали в караул.
И прощальный гул оркестра, как орудий гул.
А за дальним перевалом, тоже, чья-то мать
Тихо шла с лицом усталым сына отпевать.
Доля роковая и спасенья нет.
Женщина, рыдая, клянет белый свет.
Надрывает душу, бедная, всю ночь.
Некому услышать, некому помочь.
И от напряженья безутешных дум
пошатнулся разум, помутился ум.
Свет в её жилище до утра горит.
Женщина рыдает, с Богом говорит.
Женщина рыдает, женщина больна,
женщина не знает в чем её вина.
Видно нету Бога. Миром правит Бес.
Не пронять молитвой пустоты небес.

Песенка старпома

На траверзе мыса какая-то "крыса"
фарватером нашим ползёт.
Болят голова, а супруга Лариса
давно телеграммы не шлёт.

Как кошка весною, меж кэпом и мною,
буфетчица Лида прошла.
Воротят все морду –
ведь стали ни к чёрту
рыбацкие наши дела.
Молчат эхолоты, а мы, без работы,
готовы друг друга лупить.
На всё, что скопили, мы б рыбы купили,
да негде нам рыбы купить!
Затея пустая, но, лоций листая
страницы мы верим и ждём,
что именно к нам, хоть минтаева стая,
просыпется пёстрым дождём.
И пусть мы устанем, но добрыми станем
под трудный разбег ваеров.
Мы, споря с судьбою, упрямо тараним
Упругую сетку ветров.

Предстоящая разлука
с нас сняла любой запрет.
Мы закрылись. К нам без стука
не входить! Погашен свет.
И как просто и серьёзно
ты расстёгиваешься,
молчаливо и безслёзно
на постель клонишься вся.
Где ж девалась непорочность
досаждающая мне?
Бьёт расчётливая точность.
Знать разгадка в этом дне!?
Где же та стыда граница,
целомудренный предел,
сквозь которые пробиться,
я три года, не умел?
Значит, гены практицизма
с дня рожденья в каждой есть
и пусты для организма
строгий нрав, стыдливость, честь.

Знать, известно им заранее,
что для нас и невдомёк,
где, когда, какие грани
заступить приходит срок.
И, ровесницы годами,
нас они куда старей.
Между нас, как меж рядами,
зрят они скользнуть скорей.
И, скользя с улыбкой скромной,
мостят стёжку по судьбе,
как на ярмарке огромной,
выбирая по себе.